

УДК 821.161.1.09"18" ; 81'42

О. Н. ВерещагинаЯрославское высшее военное училище противовоздушной обороны
olgavereshchagina@mail.ru**РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРАМЫ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN»**

В статье рассматриваются речевые характеристики действующих лиц драмы М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften», выявляются сходные и специфические для персонажей черты речевого портрета, определяются средства, способствующие раскрытию создаваемых автором образов.

Ключевые слова: речевые характеристики (речевой портрет), психологическое и эмоциональное состояние, метафора.

O. N. VereshchaginaYaroslavl Higher Military School of Air Defence
olgavereshchagina@mail.ru**SPEECH CHARACTERISTICS OF PERSONAGES OF THE TRAGEDY
«MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN» BY MIKHAIL LERMONTOV**

This article deals with the speech characteristics of the characters of Mikhail Lermontov's tragedy with the German title «Menschen und Leidenschaften», reveals similar and specific character traits of verbal portrait, determines the means to facilitate the disclosure of images created by the author.

Keywords: Mikhail Lermontov, «Menschen und Leidenschaften», speech characteristics (verbal portrait), psychological and emotional state, metaphor.

Речь персонажей в драматургическом произведении не только представляет собой своего рода действие, поступок, но и служит для раскрытия создаваемых автором образов, их психологического и эмоционального состояния. В связи с этим важным элементом анализа драмы является изучение речевых характеристик как героя пьесы, так и тех, кто его окружает. Под речевой характеристикой (речевым портретом) мы понимаем «подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей» (2).

Речевые характеристики выражены непосредственно в произносимых репликах и монологах (лексика, синтаксические конструкции, обороты речи, «пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны» (2) и т. д.), однако при исследовании литературного произведения необходимо обращать внимание и на авторские ремарки, передающие модуляции голоса, особенности произношения, а также содержащие указания на производимые действия. В нашей статье мы обратимся к рассмотрению речевых характеристик, представленных в репликах и монологах действующих лиц пьесы М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»).

В анализируемом произведении можно выделить несколько групп персонажей: герой (Юрий Волин) и люди, с которыми его связывает как кровное, так и духовное родство (его отец – Николай Михалыч, двоюродная сестра и одновременно возлюбленная – Любовь), те, с кем его связывает кровное родство (дядя, бабушка), и друзья (гусар Заруцкой), слуги.

Речь героя пьесы, Юрия Волина, образна, насыщена метафорами и сравнениями, абстрактной лексикой (наименования чувств, эмоций («мука», «ревность», «ненависть») и т. д.): «И мне нет спокойствия – ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжит каждый день вокруг ушей моих...» (1, 177), «... Несправедливости, злоба – всё посыпалось на голову мою, – как будто туча разлетевшись упала на меня и разразилась, а я стоял как камень – без чувства...» (1, 158), «... если она [бабушка] будет проклинать меня за то, что я отравил ее старость, сжег огнем терзаний седые ее волосы, ... если наконец я сам иссохну

от раскаяния, если я буду отвергнут за это преступление небом и землю, если тогда я прокляну вас отчаянным языком моим...» (1, 178). Интересно, что для раскрытия внутреннего состояния главного действующего лица автор в большинстве случаев использует лексику с отрицательным эмоционально-оценочным компонентом значения (ср. в приведенных выше примерах: *сплетни, дьявольская музыка жужжит, несправедливости, злоба, отравил, сжес огнем терзаний, иссохну от раскаяния, отвергнут за преступление, прокляну, отчаянным*). Это позволяет не только понять, что переживает герой в тот или иной момент, но одновременно отражает его мировоззрение: разочаровавшись во всем и во всех, он думает, что уже не будет счастливым.

Характерной чертой Юрия Волина является сосредоточенность на своем внутреннем мире, ощущение (как правило) негативных эмоций. Главная «тема» большинства его монологов – непонимание со стороны окружающих, противостояние миру, переживание страданий, а также размышления о «неблагодарности» по отношению к людям, которые его вырастили, противопоставление себя настоящего и себя прежнего (разговор с Заруцким при первой встрече). Важны для героя и отношения с возлюбленной – Любовью. Отметим, что Юрия Волина отличает гиперболизм при выражении переживаемых им положительных (любовь) и отрицательных (ненависть, ревность) чувств и эмоций: «Я не поеду... у ног твоих, я говорю тебе, у ног твоих счастье целой жизни человека – не раздави безжалостно!.. А если ты меня отвергнешь, – ах, – то верно никакая дева не будет больше мне нравиться – я окаменею, быть может, навеки» (1, 174); «Ад и проклятье... Я тебя любил без всякой цели, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я был готов отдать душу; за один твой веселый час я заплатил бы целыми годами блаженства... и ты... мне изменила!..» (1, 195). В приведенных примерах глубину переживаемых героем чувств подчеркивает использование в рамках одной реплики слов и словосочетаний с положительными и отрицательными коннотациями (*счастье – раздави, безжалостно, отвергнешь, никакая, окаменею, не будет нравиться; благородное чувство – ад, проклятье, обмануло*). Отметим также во втором примере своего рода антитезу (*за каждую каплю – готов отдать душу, за один твой веселый час – заплатил бы годами блаженства*), посредством которой также передается свойственный персонажу максимализм при выражении того или иного чувства. Подтверждением указанной черты Юрия Волина является характеристика, которую герой дает сам себе в реплике, обращенной к Богу: «...зачем ты мне дал огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности...».

Приближена к речи героя и речь его возлюбленной Любови и его отца, Николая Михалыча. Сходство проявляется в использовании как книжной, абстрактной лексики, так и метафор, сравнений: «...Кажется, я ничего дурного не сделала, ни одно преступление не тяготеет на мне, мне не в чем упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещет как птичка, попавшаяся в сеть нечаянно!..» (1, 175); «Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе, а в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам. Посмотри на эти рассеянные облака, светлые как минуты удовольствий и мимолетные как они; посмотри, как проходят эти путники воздушные...» (1, 174). В речи возлюбленной героя образные средства (*сердце бьется и трепещет как птичка, попавшаяся в сеть нечаянно; облака, светлые как минуты удовольствий и мимолетные как они; путники воздушные*) оказываются связаны с эмоциональным состоянием: с первой любовью, с ощущением счастья, которое невозможно. Антитеза гармонии природы (*как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе*) и чувств Юрия Волина (*в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам*) показывает, что Любовь понимает, какая борьба происходит в душе героя. При этом для создания двух противопоставленных образов автор использовал

лексемы с положительными (природа) и отрицательными коннотациями: *прекрасный, тихий, светлый, гармония – бунтуют, страсть, жестокий, мятежный, противный* (законам).

В речи Николая Михалыча метафоры, сравнения, эпитеты наоборот служат, как правило, для выражения негативного отношения к собеседнику, что на лексическом уровне передается посредством слов с отрицательным оценочным компонентом значения: «Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер... ты, который своими низкими сплетнями увеличил нашу ссору, который, *надев маску привязанности*, являлся к каждому и вооружал одного против другого, через которого я как последний нищий выгоняем из этого дома... несчастный; *если б я это знал, я б тебя удушил при твоём рождении, чтоб никогда глаза мои не видали такого чудовища!*...» (1, 204); «Я всё знаю... *Сквозь этот огорченный вид невинности, сквозь эти бледные черты, я вижу адскую душу...* отрекаюсь от нее: ты больше мне не сын... *Ты мне золотом не заклеишь язык...* Мое состояние самое опасное, может быть и скоро совсем разорюсь... буду просить милостыню... но верь мне, даже не подойду к твоему окошку... *я не захочу встре<тить> на нем печать моего проклятья... сердце мое тогда бы облилось сожаленьем...* я этого не хочу – прочь!...» (1, 204–205).

Еще одной чертой, присущей как герою, так и его отцу и возлюбленной, является максимализм при выражении в первую очередь негативных эмоций (ср. Николай Михайлович: *если б я это знал, я б тебя удушил при твоём рождении, чтоб никогда глаза мои не видали такого чудовища; Мое состояние самое опасное, может быть и скоро совсем разорюсь... буду просить милостыню... но верь мне, даже не подойду к твоему окошку... я не захочу встре<тить> на нем печать моего проклятья...*; Любовь: «Юрий! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, *до тех пор смерть не оторвет меня от ног твоих; я обниму колени, если ты отрубешь руки, я зубами стану держаться, позволь мне тебе всё объяснить!*...» (1, 196)).

Специфической чертой речевого портрета персонажа может служить использование иноязычной лексики. Например, насыщенность реплик сестры героини драмы Элизы такой лексикой отражает стремление девушки подчеркнуть свою принадлежность к светскому обществу, причем как в разговоре с окружающими (в беседе с сестрой она использует обращения *ma soeur* (сестра), *ma chere* (дорогая)), так и наедине с собой (*je dois être aujourd'hui plus belle que jamais* (я должна быть сегодня красивее, чем когда-либо), *comme si c'était une affaire d'état* (как будто это – государственное дело), *moi je me moque de tout cela* (я-то над всем этим смеюсь), *équivoque* (двусмысленность)). Отметим, что в драме указанная черта речевого портрета способствует усилению противоположности между двумя сестрами.

Противоположность персонажей находит отражение и в характеристиках, которые дают Любовь и Элиза, например, роману Вальтера Скотта: «...какую прекрасную книгу я читаю» – «По мне ничего тут нет прекрасного. Пускай бы их сражались...да шею себе ломали... ха, ха, ха. – *Какая дура твоя Алина!*...» (1, 160–161); свиданию Элизы с Заруцким: Любовь хочет верить тому, что гусар влюблен в ее сестру, но беспокоится за нее; для Элизы назначенная встреча ничего не значит: «...ха! ха! ха! как Любанька смешна была вчерась, начинает мне говорить про этого Заруцкого и про его желание с такой важностью... ха! ха! ха! ха!.. вот, уж верно нынче будет страстное объяснение, он упадет на колени... я ему скажу маленький *équivoque*, – и он должен быть доволен... чего же ему больше?..» (1, 176).

Созданию образа персонажа может способствовать включение бранной лексики. Например, в речи бабушки героя драмы, Марфы Ивановны, лексемы *дура, дураки, скотина, мерзавцы, злодеи* и т. д. отражают такие черты характера, как несдержанность, грубость, высокомерие, неуважение по отношению к окружающим, ограниченность. Эти черты подчеркивают и обращения, которые Марфа Ивановна использует, например, в разговоре с горничной:

Марфа Ив<ановна>. Как ты смела, *Дашка*, выдать на кухню нынешний день 2 курицы – и без моего спросу? – а? – отвечай! (1, 164)

Отметим, что имя собственное и лексемы, используемые в качестве обращения, могут служить для выражения отношения одного действующего лица к другому. При этом переживаемые негативные чувства и эмоции передаются посредством слов с отрицательным оценочным компонентом значения, положительные – с положительным. Ср.: вначале Марфа Ивановна называет героя «Юрьюшкой», затем в беседе с внуком, когда он сообщает о своем отъезде, и в разговоре после ссоры с ним называет его «неблагодарный», «злодей»; позднее, узнав, что Николай Михайлович проклял сына, в её репликах вновь появляется уменьшительное «Юрьюшка».

Важным «штрихом» в портрете Марфы Ивановны является её «привязанность» к деньгам, в которых она видит решение проблем. Например, свою месть Николаю Михалычу она готова искупить так: «... поеду в Киев, *половину имения отдам в церковь, всякое воскресенье 10-и фунтовую свечу перед каждым образом поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мне!...*» (1, 188).

Лишение денег для Марфы Ивановны – одно из самых суровых наказаний как за незначительный проступок (мальчик-слуга разбивает ее любимую чашку: «Как ты это сделал, мерзавец... знаешь ли, что она 15 рублей стоит? *эти деньги я у тебя из жалованья вычитаю...*» (1, 168)), так и за «неблагодарность» по отношению к ней со стороны внука («Он меня покидает, оставляет, как подлую нищенку на большой дороге, – верно, это злодеи, отец да дядя, его научили...»; «Как будто не знают, что я его за это лишу имения. *Уж не достанется Юрью ни гроша... хоть провались деньги мои*» (1, 185)).

В качестве отличительной черты речевого портрета слуг можно выделить использование просторечной лексики, пословиц и поговорок. Например:

Дарья. Что это вы, сударыня, так сокрушаетесь... можно Юрья Николаича разжалобить чем-нибудь, а он уж известен, как если разжалобится – куда хочешь, *для всякого на нож готов...* Есть, Марфа Ивановна, поговорка: *железо тогда и куется, пока горячо...* (2, 166).

Иван. Э-эх! матушка моя! – есть пословица на Руси: *глупому сыну не в помощь богатство*. Что в этих учителях. Коли умен, так всё умен, а как глуп, так всё – напрасно (2, 153).

Важной речевой характеристикой этих персонажей является подчеркивание их более низкого социального происхождения при обращении к лицу, находящемуся выше по положению, а также к барину (барыне): обращение к ним по имени и отчеству, использование слов и словосочетаний: *кормилец, отец родной, батюшка, матушка (моя), барин, сударыня* и т. д. Так, слуги Иван и Василиса называют горничную Дарью «*Дарья Григорьевна*», Дарья в разговоре с Марфой Ивановной использует лексемы *сударыня, матушка*, обращение «*Марфа Ивановна*». Сходную функцию выполняет постпозитивное *-с*.

Дарья. *Нету-с – как-с можно-с* нам ссориться – а вот *что-с* – нынче ко мне барышни присылали просить сливок, и у меня хоть они были, да... (1, 165).

Наряду с перечисленными выше особенностями, присущими всем слугам, при анализе речевого портрета горничной Дарьи важно учитывать ремарки, сопровождающие реплики, так как в них передается ее истинное отношение к собеседнику и предмету разговора. Таким образом, ремарки служат раскрытию образа хитрого, лицемерного персонажа.

Дарья. Это же вина всё на мне, да на мне, а я – видит бог – так верно служу Марфе Ивановне, что нельзя больше. Пускают этих – прости господи мое согрешение – в доме угощают, а сделалась пропажа – я отвечаю. *Уж ругают, ругают! (Притворяется плачущей.)* (1, 153)

Этому же способствуют и номинации, используемые горничной в разговоре с окружающими и с самой собой: ср. в беседе с Марфой Ивановной Дарья обращается к ней «*матушка*», «*сударыня*», но оставшись одна произносит: «*Эта старуха вертится по моему хотенью, как солдат по барабану...*» (1, 188).

Речи друга героя, Заруцкого, присуще постоянное подчеркивание принадлежности его к гусарам и характерного для них отношения к жизни: «*Вот мы, гусары, так этими пустяками не*

занимаемся – нам жизнь – копейка, зато и проводим её хорошо» (1, 158); «...на то и созданы гусары: пошалить, подрасться, помочь любовнику – и потировать на его свадьбе» (1, 159).

Легкомыслие Заруцкого проявляется и в том, что он способен не сдержать своё слово. Так, пообещав Любове «во зло не употребить снисхождение» её сестры, персонаж, оставшись один, произносит: «...что за важность, если я изменю своему слову: женщины так часто нас обманывают, что и не грешно иногда им отплатить той же монетою...» (191). Заруцкой готов принять любые последствия свидания с Элизой, даже свадьбу, и единственное, что в этом случае для него неприятно – больше не быть гусаром.

Образность речи гусара «сближает» его с Юрием Волиным. Однако, если в репликах героя пьесы метафоры, перифразы отражают, как правило, переживаемые чувства и эмоции, то у Заруцкого они служат для описания и чувств, и различных явлений действительности: «О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, *каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества* – но где тебе знать? – один бог всеведущ!..» (1, 158); «... если вы слышали или чувствовали сами *ту власть, которой покорствуем всё в природе...* то исполните мою просьбу...» (1, 162).

В речи дяди героя, Василия Михалыча, преобладает книжная лексика, отличительной чертой является включение также лексики, свойственной разговорной речи, что противопоставляет его Николаю Михалычу.

Вас<илий> Мих<алыч>. Сенат-с? – до него еще дело не доходило. А всё еще *кутят да мутят* в уездном суде да в губернском правлении... такие жадные, *каналы*, эти *крючки подъячие*, со *всей сволочью*, что когда туда приедешь, *так и обступят – чутье собачье!* знают, что у тебя в карманах есть деньги... и вот уж пять лет тянется вся эта комедия... *впрочем, для меня совсем не смешная, потому что я действующее лицо!*..» (1, 169).

Василий Михалыч для достижения своей цели способен солгать брату («Беда! надобно солгать...»), «В таких случаях *солгать* простительно...» (1, 202)), однако это не является чертой его характера, на что указывают лексемы «беда», «надобно», оправдание «В таких случаях *солгать* простительно». В отличие от Дарьи он сочувствует тем, кто становится «жертвой» его планов. Так, желая наказать Юрия, он все же жалеет его («я *пощажу* его немного», во время ссоры отца и сына «*Не довольно ли? Посмотри, как он бледен... как мертвец*»), причем последняя реплика – своего рода пророчество: в финале пьесы герой погибает).

Таким образом, анализ драмы М. Ю. Лермонтова «Люди и страсти» показал, что мироощущение персонажей, их психологическое и эмоциональное состояние находит отражение в речи, что проявляется в первую очередь на лексическом уровне. При этом в речевых портретах действующих лиц можно выявить сходные черты (насыщенность реплик и монологов тропами (метафоры, сравнения и др.), книжная лексика, лексические повторы). Важно отметить, что автор стремится придать персонажам индивидуальность. Это обуславливает использование для раскрытия того или иного образа, например, бранной и иноязычной лексики, просторечия, пословиц и поговорок и т. д. Важной характеристикой является также использование лексики, отражающей принадлежность персонажей к определенному классу общества (иноязычная лексика, номинации, в том числе используемые в качестве обращения, просторечие, пословицы и поговорки и др.).

Литература

1. Лермонтов М. Ю. Маскарад: Драммы. Романы. Поэмы. М., 2008.
2. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М., 1976 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1334/%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F>